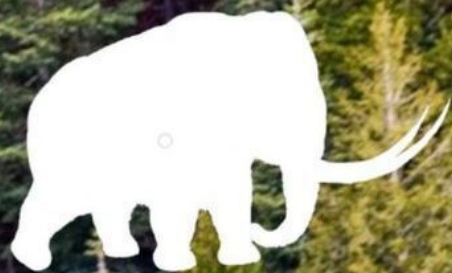

Андрей Пономарчук

А я еду за туманом...

Дальневосточная быль

Андрей Пономарчук

А я еду за туманом...
Дальневосточная быль

«Издательские решения»

Пономарчук А.

А я еду за туманом... Дальневосточная быль / А. Пономарчук —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517756-8

В книге автор освещает эпизод из своей жизни. С иронией, честно и без фальши. О том, как служил на Дальнем Востоке в нелёгкие «перестроечные» времена. О красоте и суровом величии дальневосточной тайги. Об интересных людях, с кем ему довелось познакомиться. О том, какие приключения выпали на его долю, и каких неизведанных тайн он коснулся. В процессе повествования автор затрагивает краеугольные философские вопросы, призывая читателя к размышлению... а, возможно, и переоценке навязанных стереотипов.

ISBN 978-5-00-517756-8

© Пономарчук А.
© Издательские решения

Содержание

А я еду за туманом...	7
Прозрение	9
Мастер-класс или складская философия	11
Серёга	14
Ледяная дорога	20
Залив «Удачливый»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

А я еду за туманом... Дальневосточная быль

Андрей Пономарчук

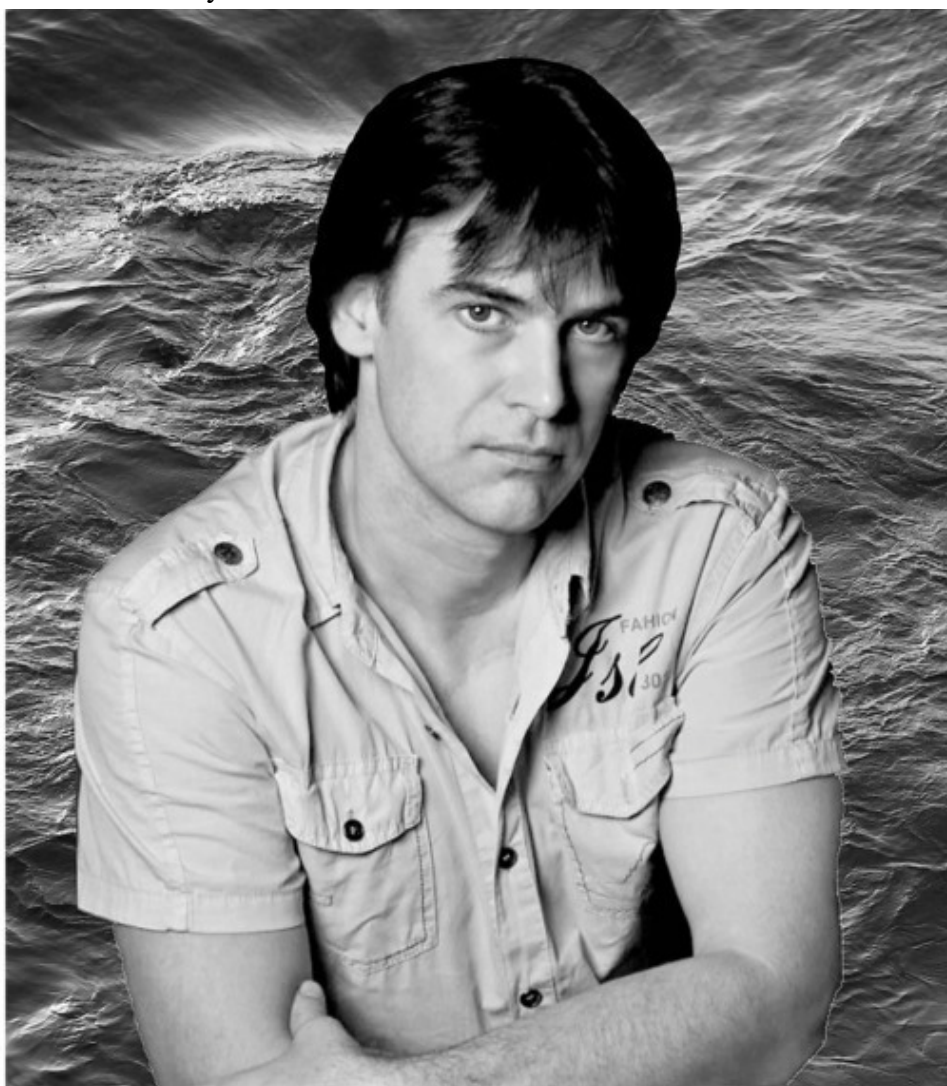
Иллюстратор Андрей Пономарчук

© Андрей Пономарчук, 2023

© Андрей Пономарчук, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0051-7756-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Непревзойдённым драматургом, режиссёром и сценаристом, несомненно, является наша жизнь... — надо лишь остановить мгновение и зафиксировать происходящее вокруг себя...

Паламарчуку Сергею Андреевичу — моему близкому другу посвящается.

А я еду за туманом...

*А я еду, а я еду за туманом...
За туманом и за запахом тайги...
(Юрий Кукин)*

Дело было в начале девяностых. Я тогда служил в легендарном отдельном батальоне авиационного обеспечения вертолётного полка, расположенном в славном посёлке городского типа с загадочным названием Магдагачи... в Амурской области.

Помню, как по окончании военного училища сходу отверг вариант распределения с местом прохождения службы в прекрасном городе, тогда ещё Ленинграде, и, пользуясь правом выбора, рванул на Дальний Восток! Мои близкие из Ленинграда и Прибалтики были тогда в полном недоумении, называя меня ненормальным... и порою я с ними полностью согласен.

Рванул, как мне казалось тогда, к Японскому и Охотскому морям с их удивительными тайнами... в объятия девственной дальневосточной тайги с её величественными горными перевалами, реками богатыми красной рыбой – любимым лакомством бурых медведей!

Я ехал, представляя какие возможности открываются передо мной... начиная с того, что год идёт «за полтора», и служба напрямую связана с военной авиацией, и заканчивая тем, какие незабываемые охоты и рыбалки ждут меня впереди. Весь в мечтах и надеждах я не заметил, как пролетели 7 суток в поезде с храпящими, пьющими, дерущимися в тамбуре соседями

по купе... и мы вместе с молодой женой и годовалой доченькой шагнули на перрон железнодорожной станции города Хабаровска.

Вдохновлённый книжной романтикой о суровых, но искренних и справедливых людях: геологах, старателях, строителях – осваивавших дальневосточные просторы... о воинских частях, в которых одной крепкой и дружной семьёй служат идейные, отзывчивые люди, защищая просторы нашей бескрайней Родины, я даже не придавал значения тому, что в Хабаровске упитанный штабной офицер скорректировал моё распределение. Он буднично указал мне на войсковую часть, находившуюся в Амурской области.

Тогда меня не сильно огорчила перспектива проехать ещё почти сутки в обратном направлении – на запад. В глазах моих уже взбивали чистый таёжный воздух лопасти винтокрылых машин... а в амурской тайге как минимум бродили в ожидании меня амурские тигры!

Завораживало само название населённого пункта, перекликающееся с названием древнего Магдебурга – столицы саксонских земель Германии. И поскольку в названии фигурировало, как мне казалось, красивое европейское женское имя МАГДА, что несомненно свидетельствовало об историческом факте соприкосновения западной и восточной цивилизаций, то история его возникновения просто не позволяла быть населённому пункту серым и невзрачным.

Как чисты и наивны были помыслы и суждения мальчика, выросшего в объятиях аккуратных городков Польши и Прибалтики, той, ещё советской, эпохи... выросшего на идеалах книжных романов и повестей – о дружбе и взаимовыручке, о тяжёлых испытаниях и заслуженной радости первооткрывателей...

Это потом я узнал, что Магдагачи – это бывший лагерь системы БАМ Лаг, а в переводе с нанайского означает – «склад гниющей древесины». Переварил и усвоил смысл фразы: «В Магдагачах – всё иначе», а ещё позже и непреложной истины: «В Магдагачи еду – плачу, уезжаю – хохочу».

Однако именно разительное несоответствие моего представления о предстоящей службе на Дальнем Востоке с реальностью... с учётом определённого воспитания, позволило мне остро прочувствовать глубину обстоятельств на контрасте событий.

Прозрение

В 90-х перестройка набирала обороты, заменяя под видом демократии долг вседозволенностью, а мораль – рыночными отношениями. Уходили в историю настоящие офицеры... Те, которые служили за честь и совесть, те, которые, не стесняясь, били на офицерских вечеринках хитрое, толстое лицо «начпрода», чутко уловившего возможности перестройки на фоне перебоев в снабжении.

Последний, создав на базе продовольственного склада «односторонний траст», смело заменял «на выдаче» копчёную колбасу на яйца, яйца на масло, масло на комбиджир, мясо на тушёнку... а тушёнку – «налево»... в результате чего был первым, кто за свои «кровные» приобрёл подержанный японский автомобиль. С довольным, временами побитым «едалом».

Прибыв в войсковую часть – Отдельный Батальон Авиационного Технического Обеспечения – ОБАТО (хотя в силу специфики службы все привычно заменяли букву «О» на «Е» – в соответствии с не сходящим с языка прилагательным), я окунулся в серый, завистливый мирок, где настоящих – достойных уважения мужчин было не так много, а «уважаемыми людьми» считались те, кто сидел на «нужном продукте». Так сказать, каста имущих: «начфин», «начпрод» и «начвещь». Это к ним необходимо было стоять в очередях и заискивать отношений, чтобы получить положенные по закону харчи и шмотки – надлежащего качества и в срок. И, как обычно, начальниками продовольственного и вещевого складов были надменные, самолюбивые, в меру упитанные прапорщики украинских кровей. Именно поэтому «продпак» я старался не получать, а на строевых смотрах офицеры из управления, как правило, одетые во всё новое и блестящее, с недоумением и порицанием тыкали пальцами в сторону моих потёртых ботинок.

Магдагачинский гарнизон не просто жил своей обособленной от жителей посёлка жизнью, а кипел страстями, как закрытый котёл-сковорода, безжалостно переваривая судьбы и чаяния людей, и, как водится, грязь и пена всегда занимали положение «сверху»... вследствие чего у некоторых персонажей временами «срывало крышку».

Интересному и увлекательному сериалу о гарнизонной «Санта-Барбаре», несомненно, следует уделить отдельную повесть. Что же касается моей истории, то можно лишь упомянуть, что рутинное, зачастую бессельное, прозябание в караулах, кочегарках и автопарках, без выходных и проходных, никак не укладывалось в моём понимании о доблестной службе – на благо Родины.

Служба была сопряжена с постоянными авралами, вызванными отсутствием нормального планирования и перебоями в снабжении... да и полной неразберихой в стране. При этом боевая подготовка – уже не являлась первостепенной задачей.

В то время не было вездесущего интернета и сотовых телефонов, однако, через родных, друзей и знакомых, оставшихся в Прибалтике, Польше, Ленинграде, Москве... я ощущал, насколько зашкаливает там накал страстей, и фонтанирует в связи с этим адреналин, вызванный невиданными историческими переменами. Переменами и, как казалось тогда, сказочными возможностями, которыми лукаво крутил рыночный «напёрсточник» – «Запад» перед доверчивой, неискушённой, сорвавшейся в неизведанную пропасть страной.

До нас доносилось смачное чавканье «счастливиц», перераспределявших в свои карманы невероятные богатства, как сейчас принято говорить, активы нашей бескрайней Родины, и как на глазах менялись мотивация и мироощущение её граждан.

Грандиозные перемены исторического масштаба, грубо перекраивавшие территориальный и экономический лик страны, в глухом Магдагачинском углу проявились лишь перебоями в снабжении и повальной задержкой зарплат, что мгновенно сделало вчера ещё преследуемых законом спекулянтов – блестящей экономической «элиткой» посёлка... А офицеров и прапор-

щиков – перестали пускать в военной форме в единственный на то время ресторан. В свете основного тогда тезиса о том, что нехватка всего вызвана чрезмерно раздутой, неэффективной и ненасытной армией, – быть военным как-то вдруг «в народе» стало невыгодно и непрестижно.

ОБАТО приспособлялся к существованию по «остаточному принципу», заменив боевую подготовку самообеспечением. При этом замкнутый круговорот событий беспощадно поглощал время и все жизненные силы. А мечты... оставались мечтами.

И вот однажды ночью в караулке, отгоняя ненавистных, вездесущих тараканов, читая урывками очередную повесть о достойных людях, занимавшихся интересным и нужным для страны делом где-то на побережье Охотского моря, я замер с широко открытыми глазами в неестественной позе... На меня снизошло озарение:

– Какой же я идиот!..

Ведь с таким же успехом я мог сутками просиживать в караулках и читать эти нужные книги в большом, культурном, просвещённом Санкт-Петербурге на берегах «седой Балтики»... Там, где жизнь бьёт ключом, где творится история... рядом с родными и близкими мне по духу людьми... без бардака и фальши...

Из лап тяжёлого оцепенения меня вырвал эмоциональный вопль младшего сержанта Турсункулова. Его скуластое лицо было искажено гримасой, и он что-то верещал мне на своём, – я сосредоточился и вник. Оказалось, что правильный и отзывчивый боец Турсункулов переживал за меня... и мне оставалось лишь догадываться, с какой физиономией он меня застал.

Я отчётливо тогда осознал, что в то дурное время вся моя служба там, с искусственными тяготами и лишениями, являлась лишь жалкой пародией, презираемой властью и населением, и, по сути, была сравнима с классическим переносом грунта «туда и обратно»... с единственной целью – лишить свободного времени и жизненных сил.

Так бывает, когда где-то там, «наверху», процессор «сдох» или очень сильно «болеет», а механическая часть без чёткой идейно программной линии продолжает своё движение по инерции, перемалывая шестерёнки и деформируясь под средю.

Конечно же, такое озарение и осознание, так сказать, бытия не доставляло мне особой радости – я начинал излишне копаться в себе, либо чудить.

Мастер-класс или складская философия

В моей памяти навсегда останется ярким пятном вводный мастер-класс, который мне, молодому лейтенанту, любезно предоставил на продовольственном складе товарищ старший прапорщик «Семёныч».

Этот вояка служил в батальоне дольше всех и пользовался определёнными привилегиями. Он был вхож в столовые, кочегарки, автопарки и любые складские помещения, где, по случаю или без, по кружкам разливался спирт.

Семёныч важно восседал на пустом деревянном ящике из-под сока между бочками с солёными огурцами. На бочке, как на столе, излучая манящие ароматы и вызывая обильное слюноотделение, красовался натюрморт, достойный кисти художника. Сочные, только что из бочки, солёненькие огурчики, сало с мраморными прожилками, восхитительная копчёная колбаска, луковица и буханка ржаного хлеба – всё было аккуратно, по-хозяйски, нарезано ломтиками и в сочетании с тремя алюминиевыми кружками и трёхлитровой банкой, на треть заполненной прозрачной жидкостью, создавало атмосферу, располагающую к доверительным беседам.

Вращающиеся выпученные глаза и седые кудри, выбивавшиеся из-под фуражки и «технички», одетой на упитанный голый торс, делали Семёныча похожим одновременно на старого бывалого боцмана и жирующего морского слона.

– Здорово, летёха! Ты думаешь, что в училище всему научился? – проревел он с ходу... и сам себе ответил: – Ни хрена подобного!

Я инстинктивно кивнул и, уважительно улыбаясь, подошёл ближе. В силу привитого мне с детства чувства уважения к старшим (по возрасту) и, подозревая, что Семёныч не просто так

пользуется привилегиями в батальоне, я приготовился впитывать мудрость, добытую в тяготах и лишениях, а возможно, и в ходе реальных боевых действий.

Семёныч оценил моё поведение и, одобрительно рыгнув, указал мне на одну из алюминиевых кружек, стоявших на бочке с огурцами. Я взял кружку и поднёс её ближе к лицу – в нос резко ударили пары неразведённого спирта.

– Уфф! Это ж спирт... – непроизвольно сморщился я.

– Хррр, хыр, хыр ... – прорычал в усмешке Семёныч.

– Чистый! Как моя сооовесть! – поправил он меня, похлопывая ладонью по-товарищески стоявшую перед ним трёхлитровую банку.

– Так... впереди же ещё совещание, – улыбаясь и изображая недоумение, парировал я.

– Э-эх... Слушай, лейтенант! Спирт в армии – это одновременно «связующее» и «смазывающее» – без него от избыточного трения люди стираются до оголённого нерва, – произнёс он сиплым басом и, выпучив глаза, для наглядности сжал в кулаке со всей силы кусок ржаного хлеба. Затем, подняв кверху указательный палец крепкой волосатой руки, и, не сводя с меня изучающего внимательного взгляда, добавил: – Без него нету хода ни нам, ни вертолётам...

Он смотрел на меня какое-то время, вероятно, оценивая правильность моей реакции на глубину и иронию выданной им философской мысли... Затем перевел взгляд на спирт в кружке, осушил её, крикнув, и закусил сдавленным чёрным мякишем.

– Учись, лейтенант! – проревел он, качаясь на деревянном ящике и бешено вращая глазами.

– Ты думаешь, надо быть прилежно-уставным, тупым и исполнительным, и тогда всё само собой сложится? – он, слегка подавшись вперёд, опять пристально уставился на меня с лёгким прищуром и, не дождавшись ответа, скрутив огромную волосатую фигу, тихо по слогам прорычал: – НИ- ХРЕ-НА.

– Всё крутится и вертится на знакомствах и отношениях. И никто из начальства тебя близко не подпустит с твоими дурацкими мыслишками и рацпредложениями, хоть ты сотришь до костей на своей службе, – он искал в моих глазах правильный отклик... и, похоже, не нашёл. – Не понимаешь?!

– А вот другое дело – когда после тяжёлой службы ты вместе с командиром «песняка задавишь» по случаю «дня части», ну или... звание кому отметить... Вот там и покажи себя, что и служить, и отдыхать умеешь... Там и по душам поговорить без дистанции можно... со своими рацпредложениями. Командир – он ведь тоже мужик... и мужик крепкий, видит, кто чего стоит. А спирт язык-то развязывает и показывает у кого какое нутро. Сильный – уважение тебе, а если слюни, да сопли, да гниль всякая полезла – то ты потом хоть заслужишь, а ходу тебе не будет. Поднимут рюмки за наших «павших», и что ты скажешь тогда? – он поворочался, усаживаясь поудобнее на ящике, посмотрел на меня и, изображив гримасу дебильного лица, судя по всему, копируя меня, ехидным тонким голосом добавил: – А я не пьюююю...

– Пока стержень в себе не нащупаешь – права не имеешь подчиненных на смерть посылать! Ты понял? – назидательно прорычал он, повысив голос.

Я стоял и улыбался, внимая голимую суть, соль, так сказать, служебного механизма, вынесенную старым служакой невысокого звания через долгие непростые годы службы, и, конечно, в силу молодости и необстрелянности не воспринимал сказанное всерьёз.

– Учись пить, лейтенант! – рыкнул Семёныч и опрокинул в свою лужёную глотку содержимое из предложенной мне ранее кружки. Затем нахмурился, на некоторое время уставился в потолок, задумавшись о чём-то тревожном и важном, абсолютно потеряв ко мне интерес... закатил глаза и молча съехал на пол между бочками.

Меня подкупала искренность его посылы при очевидном желании донести свою выстраданную правду до необстрелянного и ещё незапятнанного суровой реальностью лейтенантского мозга. Мне было жаль, что я попал на склад лишь к финалу философских бесед.

По прошествии лет, наделав массу ошибок, обломав все имевшиеся в запасе копыя о ветряные мельницы армейского абсурда тех злополучных лет, я с улыбкой и теплотой вспоминаю складскую инициацию, устроенную Семёнычем, и по-настоящему жалею, что мало общался с ним.

Серёга

В отсутствие нормального обеспечения, тем не менее, с самого батальона никто не снимал обязанности хоть как-то обеспечивать вертолётный полк, и «комбат» крутился, по выражению Семёныча, как «пёс в рукомойнике». На нём «висели» и склады, и автопарки, и казармы, и столовые, и свинарники, и бани, и... кочегарки. Ну как же без кочегарок с вечно чумазыми «гномами» в суровые Магдагачинские минус тридцать пять, сорок по Цельсию? Трубы постоянно перемерзали, радиаторы отопления щерились ледяными зубами, электродвижки горели, а на зубах скрипела сажа...

Вместо боевой и политической подготовки между караулами и авралами комбат частенько откомандировывал меня на военном КамАЗе, гружёном кучей перегоревших электродвигателей, в легендарный таёжный городок под названием Зей.

Городок расположен у южных склонов хребта Тукурингра на берегу одноимённой реки. Он знаменит циклопическим сооружением, которым заперли таёжную красавицу в объятиях горного хребта, сотворив бескрайнее Зейское водохранилище.

Зейскую ГЭС ещё с 60-х строили всей страной в течение 20 лет, и у меня захватывало дух от масштабности проекта и гордости, когда я озираю покорённые горные кручи и бескрайние таёжные просторы со 110 метровой высоты водосбросной стенки.

Уму непостижимо, как впоследствии могла небольшая кучка рыночных умников присвоить себе труды тысяч и тысяч самоотверженных первопроходцев: геологов, маркшейдеров, буровиков, бетонщиков, водителей и строителей различных специальностей советской эпохи – трудившихся во славу Родины и трудового народа.

Население городка в основном составляли люди, приехавшие в своё время на строительство ГЭС, геологи, золотодобытчики и работники леспромхозов. Люди грамотные, открытые и решительные. Суровые условия жизни выковали свои законы и правила взаимоотношений, основанные на взаимовыручке и не прощавшие подлость. Так или иначе, деятельность жителей городка была связана с тайгой, в связи с чем почти у каждого имелся «ствол», а то и не один. От этих крепких и сильных людей так и веяло духом первооткрывателей из рассказов Джека Лондона.

В очередной раз, когда я привёз в Зею электродвигатели на перемотку, ко мне подошёл широкоплечий мужчина средних лет и среднего же роста, улыбавшийся во весь железнозубый рот. С бородой и чёрными бездонными глазами, одетый в меховую куртку, расстёгнутую настежь, и свитер грубой вязки, в пышной лисьей шапке с хвостом назад и с кожаным чехлом от ружья, закинутым за спину, – он напоминал мне басмача из какого-то героического советского фильма.

– Здорово! Ты что ли будешь Пономарчук? – по-свойски открыто спросил он.

– Да, – ответил я с лёгким недоумением. – Чем обязан?

– Ничем ты не обязан. У нас с тобой одна фамилия! – сказал он, широко улыбаясь, и принялся трясти мою руку.

Сергей, так его звали, узнал обо мне от братьев, которые занимались в городе Зея перемоткой электродвигателей, они-то и вычислили меня по фамилии в приёмо-сдаточном акте.

Мы пообщались, и он сразу пригласил меня к себе домой. Я как-то не был готов к такому позитивному напору и отказался, сославшись на необходимость возвращаться в воинскую часть, но его открытость и доброжелательность мне импонировали, и я, в свою очередь, чисто формально пригласил его к себе домой в Магдагачи.

Дело было в начале сурового декабря, и, вернувшись в часть, я с головой погрузился в круговорот ежедневных никому не нужных тягот и подвигов, что напрочь выбило из моей памяти крепкого таёжного парня.

Где-то через неделю, часов в десять вечера, в дверь моей однокомнатной служебной квартиры кто-то настойчиво постучал. Жена – молодая и хрупкая девочка, вывезенная мною из далёкой, сытой и культурной Прибалтики, вопросительно посмотрела на меня широко открытыми глазами, подёрнутыми страхом перед постоянной, неотвратимой неизвестностью. Для неё каждый день в Магдагачах был настоящим испытанием, но она держалась «молодцом» и постепенно осваивала нелёгкую профессию жены офицера. Я успокоил её и, ругнувшись, пошёл открывать дверь, в ожидании очередного ночного аврала.

Однако стоило мне открыть дверь, как в неё ввалился улыбающийся Серёга – бородатый, в лисьей шапке, с большим рюкзаком за спиной и карабином в руке. Сказать, что я обалдел – значит не сказать ничего, а в глазах жены стоял просто тихий ужас.

Серёга озарил нас своей железной улыбкой, поздоровался, поставил «ствол», скинул с плеча рюкзак, снял шапку и начал разуваться. Я пожал ему руку и пригласил на кухню, поскольку в комнате спала маленькая дочка, шепнув при этом жене, что надо чего-нибудь организовать «на стол». Нина достала из-под подоконника две банки тушёнки, банку кабачковой икры, пачку галет и замерла возле окна в лёгком шоке. Потом тихим голосом пролепетала, что это – всё... но есть ещё макароны, и их надо варить.

Назревала неловкая пауза, поскольку еды дома не было, а «продпаёк» я ещё не получил.

Но неловкой паузы не случилось, ибо Сергей, едва успев познакомиться с Ниной, начал, как натуральный Дед Мороз, извлекать из своего огромного рюкзака всякую снедь. К ужасу жены и моему удивлению, он вытащил и положил на кухонный стол четыре ободранных от шкуры, замороженных косульих ноги и перепачканный кровью пакет, как оказалось позднее, с печенью косули. Следом появились: три банки с различными соленьями, круглый каравай хлеба и целлофановый пакет с шоколадными конфетами. После чего Сергей попросил у Нины

сковородку и нож. Нина, как загипнотизированный кролик, робко протянула ему наш кухонный нож...

Неодобрительно пощупав пальцем его лезвие, Сергей вытащил из ножен, висевших у него на поясе, свой охотничий. Он взял мёрзлую косулью ляжку и начал строгать мясо прямо на сковородку, параллельно рассказывая нам о звериных следах, которые видел на пути в Магдагачи.

Уже через пятнадцать минут стол ломился от разносолов, и на плите скворчало мясо. Серёга угощал меня ломтиками сырой косульей печени с луком, а Нина пила горячий чай с шоколадными конфетами и, как ребёнок, хлопала удивлёнными глазами.

Общение текло само собой – непринуждённо и приятно. Под мясо я выставил пол-литра разведённого спирта, но Сергей категорически отверг предложение, сказав, что не пьёт от слова «вообще», и мы, вооружившись вилками, напали на нежную благоухающую дичь.

Он рассказывал, как работал в геологической партии, как мыл золото в артелях, извлекая из памяти различные смешные и курьёзные случаи, а я воодушевлённо слушал... Слушал и сетовал на то, что отец, служа в советской армии, успевал и служить с удовольствием, и по границам ездить, и охотиться, и призы получать за меткую стрельбу... а у меня в Магдагачах сплошное выживание – неблагоприятное и будничное.

Вникнув в мои чаяния и узнав, что на новогодние праздники у меня намечается аж четыре выходных и имеется определённый спиртовой запас, Сергей предложил мне съездить на его «Ниве» в Бомнак за соболями, а заодно проветриться и поохотиться. Я просто не верил своим ушам и, конечно же, согласился.

Спать легли мы далеко за полночь. Сергей без претензий завалился на постеленные на пол куртки и шубы и засопел. Наутро мы перекусили остатками мяса и разъехались в разные стороны: он на своей «Ниве» малинового цвета куда-то в сторону Шимановска, а я – на дежурной машине в сторону кочегарок, казарм и караулок.

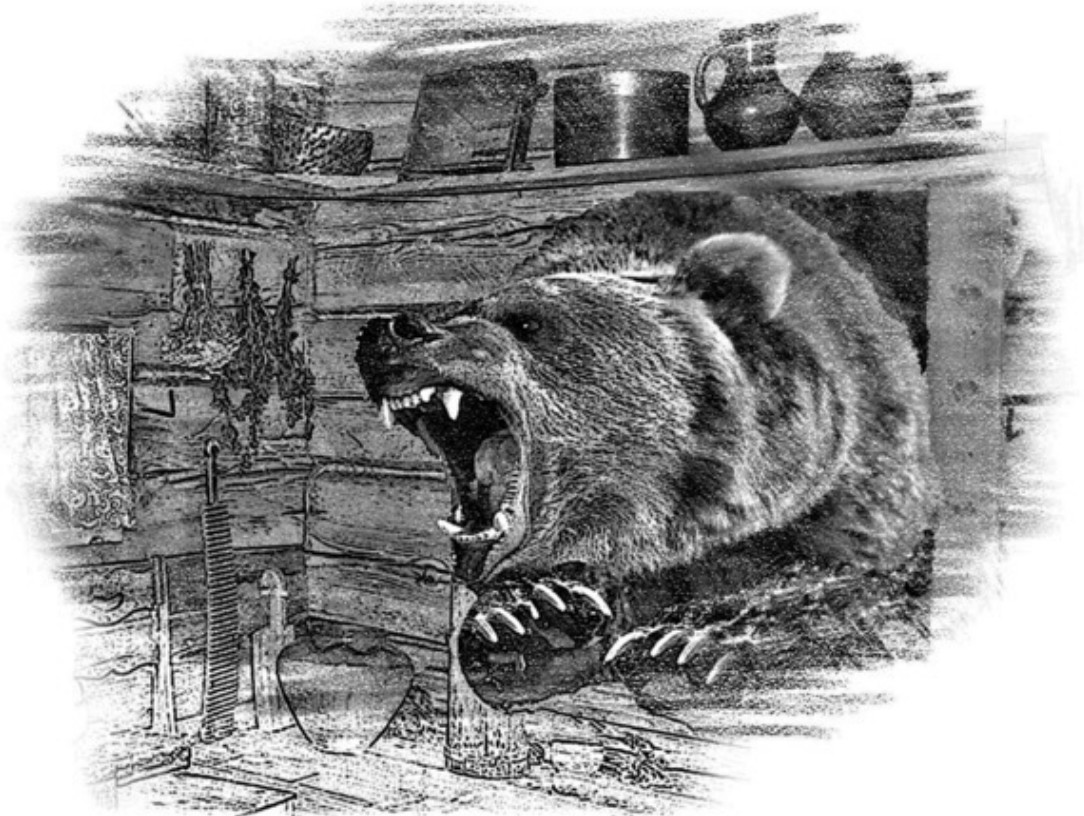
Ближе к Новому году, вечером условленного дня, Сергей приехал за мной на своей «Ниве», и мы отправились в наше увлекательное путешествие, срезая дорогу до города Зея через полузаброшенные таёжные деревеньки.

Одетые в снеговые рукавицы сосновые и еловые ветки свешивались по обеим сторонам узкой лесной дороги. В свете фар они мне казались лапами хищных таёжных великанов, которые охотились на беспечных людишек, осмелившихся сунуться в эту морозную ночь в их непролазную дремучую чашу. Я смотрел на заснеженную колею дороги, петлявшую и постоянно подкидывавшую под наши колёса ветки с коварными острыми сучьями, и пытался прогнать из головы мысли о последствиях... если «Нива» всё же заглохнет.

Однако Сергей моих опасений не разделял и, как показало время, его абсолютная уверенность не была бравадой, поскольку основывалась на богатом опыте выживания в суровых таёжных условиях. Он рассказывал мне увлекательные истории из своей жизни, «зарезая» время от времени обочины лесной дороги – освещая фарами попадавшие опушки и луговины в поисках «глаз». Охота «из-под фары» – для тех мест была обычным способом разжиться между делом диким мясом к ужину, в связи с чем карабин у Сергея всегда лежал наготове между сиденьями.

Посреди глухого леса, в просвете между деревьями, показались несколько торчавших из сугроба деревянных крыш. Удалённость от цивилизации и, с моей точки зрения, бессмысленность нахождения в такой глуши – давали мне полную уверенность в том, что это были постройки какого-нибудь заброшенного леспромхоза... однако собачий лай и упирившиеся в чёрное морозное небо ровные столбы дыма – говорили об обратном.

– Это деревня Пионер, – пояснил Сергей, глядя на застывший в моих глазах немой вопрос.

– Прошлой зимой тут шатун вломился в избу и задрал женщину, – спокойно продолжил он пояснения.

– Как это? – изумлённо спросил я.

На что Сергей обыденно рассказал мне, что иногда медведи, которых здесь много, недобирают жира и встают из зимней спячки раньше срока, а поскольку выжить косолапому зимой – нереально, то он обычно пропадает или идёт напролом к человеческому жилью...

– Как, как? – продолжил он. – Ночью задавил привязанную собаку, вломился в окно и с ходу оторвал хозяйке голову. Мужики-соседи на шум с собаками прибежали – застрелили шатуна, а у того лапы до локтей отморожены, как четыре деревяшки...

На мои расспросы по поводу причин для проживания в таких условиях и отсутствия на окнах железных решёток – Сергей только улыбнулся и сказал:

– Здесь люди всегда так живут.

«Нива», поскрипывая пружинами, перелезала очередную наледь, ветки запорошенных снегом кустов цеплялись за бампер и царапали двери, а я ехал и думал:

«Вот как бы я зимней ночью, в полной темноте, под лай и визг порванных собак сорвался выручать соседку из лап медведя?»

Я ещё находился под впечатлением, когда километрах в двадцати от деревни Сергей остановил машину, взял лежавший между сидениями карабин и вышел наружу. Он что-то разглядывал в свете фар – я последовал его примеру. Прямо перед нами лесную дорогу пересекала припорошенная снегом цепочка округлых следов, как мне показалось, от валенок.

– Это шатун. Прошёл часов пять-шесть назад, – спокойно сказал Сергей, и потом буднично добавил: – Надо по приезду Сашке в Алгач позвонить, он с собаками быстро его заберёт.

Короче, в лютых местах живут эти бесстрашные люди...

В Зею мы приехали к полуночи. Поужинали дома у Сергея, не будя его родных, и забылись до утра глубоким сном в преддверии увлекательного и трудного путешествия.

Ранним утром, когда за окнами ещё правила морозная мгла, меня разбудил мелкий топот босых ног по деревянному полу. Я не сразу понял спросонья, где нахожусь, и, в ожидании очередных авралов на службе, приподнялся на локте – осмотрелся. Незнакомая комната, диван... из-за занавески на дверном проёме просачивался свет.

– Где я?..

Топот детских ног остановился за занавеской – та слегка отодвинулась... и из-за неё показалась голова симпатичной девчушки с большими, чёрными, любопытными глазёнками. Послышался приглушённый, переходящий в шёпот, женский голос:

– Алеся, не буди гостя. Иди помоги мне на кухне, – шторка колыхнулась, и босые ноги побежали в сторону женского голоса.

«Мы же едем в далёкий таёжный Бомнак!..» – в памяти начали восстанавливаться события вчерашнего вечера.

Сон как рукой сняло, и я начал одеваться. Теперь из-за занавески выглядывал уже я.

Сергей жил в большом одноэтажном деревянном доме с печным автономным отоплением, на что указывали душистый печной аромат потрескивавших смолистых поленьев и булькающие батареи с раздельной разводкой «подачи» и «обратки»...

«Уж с чем с чем, а с системами отопления Магдагачинские суровые зимы с казармами и кочегарками – меня ознакомили вплотную».

Тёплый, уютный дом. Коридор, ухидивший направо, явно скрывал в своей темноте ещё несколько комнат, а слева – на кухне потрескивала печь, и «женская» половина колдовала с тарелками и сковородками. Я их ещё не видел, но аппетитно пахнущая суэта определённо мне нравилась.

Из-за косяка дверного проёма опять показались большие детские глаза... – и сразу спрятались.

– Мама, лётчик проснулся!

– Ну вот, Алеся, всё-таки разбудила...

– Доброе утро. Проходите на кухню, – это было явно адресовано мне, и я послушно вышел на кухонный свет.

– Здравствуйте, меня зовут Ольга, – произнесла женщина, встретив меня открытым дружелюбным взглядом, не прекращая магических манипуляций с тестом.

– Алеся!.. – она перевела побудительный взгляд на дочку, которая инстинктивно спряталась за маминой спиной.

– Здравствуйте... меня зовут Алеся, – слышался робкий осторожный голосок.

– И вам здравствуйте! – я не смог сдержать улыбки. – А меня зовут Андрей.

Ольга – симпатичная тёмно-русая блондинка средних лет с открытым и чистым лицом. Что сразу бросилось в глаза и подтверждалось впоследствии неоднократно – она никогда не хитрила и не прятала взгляд. Она всегда говорила о том, что думала, честно глядя в глаза, невзирая на горечь или сладость излагаемой правды.

А вот доченька... внешне на маму была совсем не похожа —красивая папина копия с длинными чёрными волосами и большими, бездонными, чёрными же глазами.

– А вы на вертолёте прилетели? А вы меня покатаете?

Ну понятно же... что должен сделать человек, прилетевший на «голубом» вертолёте, – покатать.

Я ей пообещал, что обязательно прокачу. Позже я переговорил со знакомым командиром экипажа из вертолётного полка, и он разрешил мне взять её «на борт» во время небольшого перелёта с вынесенной площадки в Зейский аэропорт. Исполнил, так сказать, «волшебное» детское желание...

– Надолго собрались в Бомнак? И чего вы там забыли? – с иронией осведомилась Ольга.

Я только раскрыл рот, соображая, что сказать, и подбирая слова, но не успел – за спиной слышался голос Сергея:

– Да мы, Лёля, на пару дней... Дела у нас там.

Он ласково называл её так.

Сергей поцеловал свою «Лёлю» и взял на руки глазастую копию.

– А меня лётчик – дядя Андрей пообещал покатать на вертолёте!

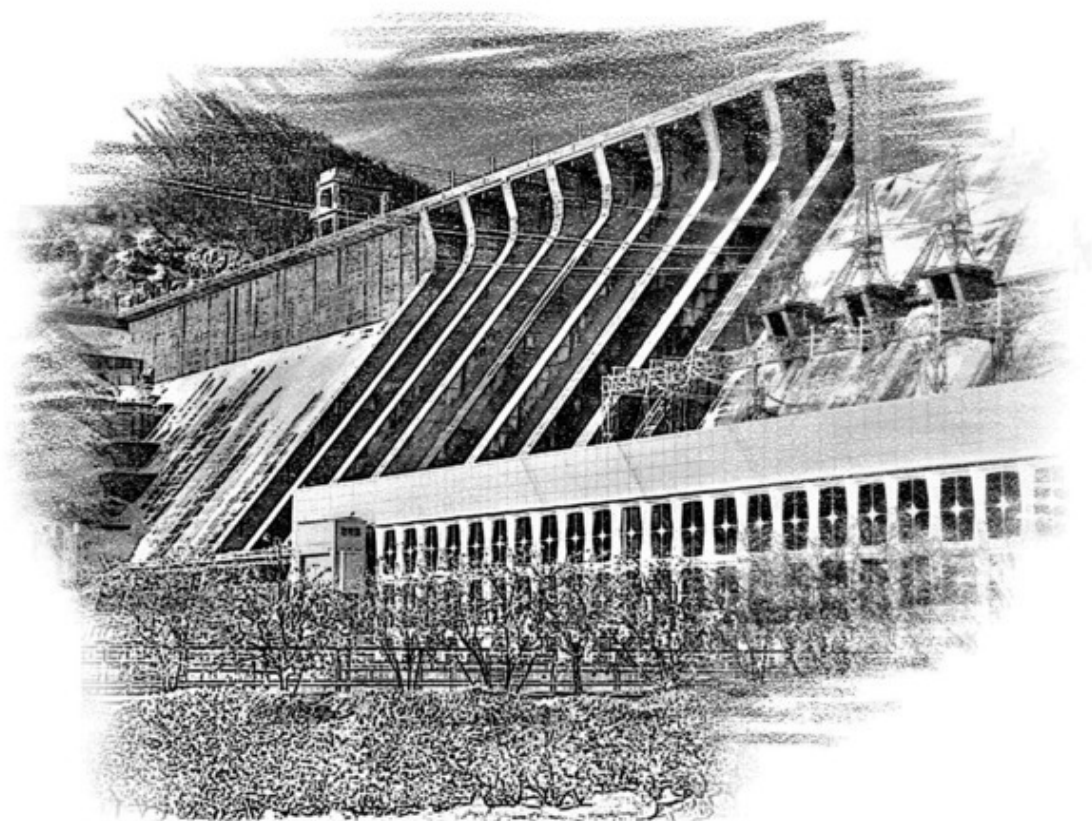
– Ну значит покатает... раз пообещал, – ухмыльнулся Сергей, заиграв лукавыми огоньками глаз в мою сторону. – Иначе не надо было обещать.

За завтраком мы оговорили ряд подготовительных мероприятий: заправку топливом «про запас», укладку дополнительного инструмента, посещение «Волчары» – знакомого по фамилии Волков, чтобы забрать патроны для карабина, и прочее... чем, собственно, и прозанимались до обеда, и, уже подкрепившись основательно, отправились в наше путешествие.

Ледяная дорога

«Нива» без особого напряжения влезла по серпантину на скалистый ворот горловины водохранилища, и мы ненадолго остановились на смотровой площадке, наслаждаясь завораживающим видом на циклопическое сооружение ГЭС.

Снизу, из города, массивная железобетонная громада, низвергающая с диким рёвом бурлящие потоки ледяной воды, была похожа на окутанную облаками пара белую неприступную крепость «Минас-Тирит» из романа Толкиена Д. Р. Р. «Возвращение короля»... и производила на меня неизгладимое впечатление.

Но оказалось – она была лишь небольшим фрагментом огромного по масштабности природно-технического геосистемного проекта, от чего, как говорится, дыхание спёрло натурально.

Человеческая психика остро реагирует на резкие изменения ландшафта, и когда ты видишь с высоты птичьего полёта с одной стороны плотины – маленький, аккуратный, беспечно устроившийся в низине, городишко, мирно покуривающий печными трубами и деловито гудящий малюсенькими машинками, а с другой – невообразимо пугающую своим объёмом в 60 кубических километров толщу ледяной воды простирающегося на 227 километров водохранилища, да ещё и с перепадом высоты в 110 метров, то становится жутко... и при этом теперь уже не столь огромной и надёжной кажется её довольно узенькая бетонная полоска.

Воистину... всё познаётся в сравнении...

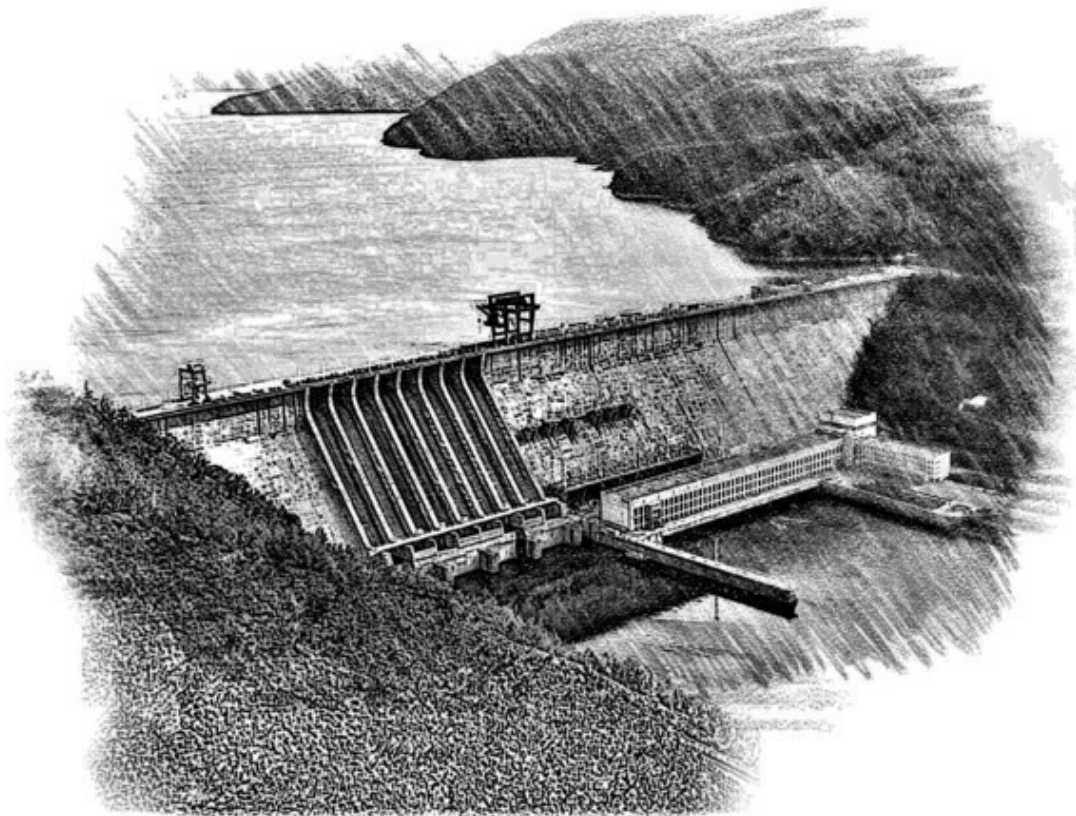
Мы стояли на краю скалы и, от избытка нахлынувших чувств применяя ненормативную лексику, бурно обменивались своими впечатлениями:

– Серёга! Да это же охренеть можно!

– А то! Я и сам постоянно ...! Хотя и был тут сотню раз!

– ... и т. д.

В приподнятом настроении мы уселись в «Ниву», переехали по серпантину на другую сторону плотины и выскочили на заснеженный лёд водохранилища.

Горловина водохранилища на протяжении первых сорока километров представляла собой своеобразный каньон, обрамлённый скалистыми берегами, изрезанными заливами впадающих речушек и ручейков. Открытые всем ветрам отвесные серые скалы переходили в заснеженные лесистые горы бескрайней тайги. Зимняя суровая красота завораживала.

Мы ехали по ровному заснеженному льду водохранилища, восхищаясь первозданными видами этого сурового края, делились мыслями, рассказывали истории из своей жизни и охотно обсуждали проблемы, волнующие нас обоих. Таким образом происходило более тесное знакомство. Мы ненавязчиво узнавали друг о друге всё больше и больше, сопоставляя шкалу ценностей и мировоззренческие суждения.

Сергей вырос в этом краю. Затем прошёл «срочником» армию, геологические экспедиции, золотодобывающие артели. В детстве он даже был воспитанником интерната в далёком таёжном Бомнаке. Поэтому, будучи человеком открытым, бесстрашным, умным, но при этом бесхитростным, имел много друзей и знакомых почти во всех населённых пунктах Зейского района.

При довольно разных условиях становления личности в различных социальных средах, оказалось, что ценностные суждения с детства у нас формировались на базе одних и тех же «правильных», по определению В. М. Высоцкого, книг. Мы ещё мальчишками зачитывались книгами о войне, строили планы на открытие новых земель и обожали дикую природу.

Извилистый «каньон» представлял нам всё новые и новые прекрасные виды.

Слева, вдоль самого берега, как на подбор, показались молодые ёлочки.

– Сергей, смотри какая красота! Как на ёлочном рынке – выбирай – не хочу.

– На обратном пути обязательно выберем, – улыбаясь, пообещал Сергей. – Небольшую и самую красивую... с собой заберём.

Проезжая мимо одного из заливов, он кивнул в его сторону и сказал:

– Это залив «Удачливый».

На мой вопрос, с чем связано это историческое название, он ответил, что сам его так назвал, поскольку удачно охотился в этом заливе и не один раз.

– В прошлом году чуть выше по заливу видели «матку» изюбря с телёнком... убивать не стали, – улыбнулся он своим воспоминаниям.

Увидев, как загорелись мои глаза, он ещё больше расплылся в улыбке и добавил:

– Мой хороший знакомый – капитан катера, обслуживающего водохранилище. Я тебе обещаю – по осени обязательно с ним познакомлю, и организуем охоту.

Залив «Удачливый»

Забегая вперёд, мне не терпится рассказать связанную с этим заливом историю, и хотя она приключилась только следующей осенью, но является очень показательной для раскрытия характера Сергея, его железобетонной надёжности и решительности.

В начале ноября Сергей, как и обещал, договорился с капитаном катера «прошвырнуться» ночью по ещё не замёрзшим заливам водохранилища, чтобы по сопкам «лучить» из-под фары «зверя». Дело назначили на выходные дни, подстроившись под меня и условия моей службы.

Судя по множеству рассказов Сергея, охота обещала быть удачной и интересной. Всю субботу, а суббота в батальоне – это полноценный «круглосуточный» рабочий день, я находился в предвкушении удивительных приключений. Прогулка на катере по ночному водохранилищу, выслеживание «зверя», в зависимости от удачи – добыча трофея, ну и, конечно же... ужин у костра со свежееобжаренным мясом и охотничьими историями из нескончаемой серии таёжных рассказов. Причём под название «зверь» у местных охотников подходили и медведь, и олень (изюбрь), и лось (сохатый).

Однако с самого начала всё пошло не по плану.

Начальник штаба в конце рабочего дня объявил построение личного состава батальона в казарме, где офицеры и прапорщики в очередной раз бесцельно проторчали более часа в его ожидании. Потом соизволил появиться сам начальник штаба и, что-то буркнув командиру роты охраны про недостатки, испарился, назначив построение ещё на час позже... При чём тут бардак в расположении роты охраны и личный состав остальных служб и подразделений, почему построение не проводится начальником штаба вовремя и почему это всегда на ночь глядя?... Такими вопросами уже давно никто не задавался в «ЕОБАТО».

Не останавливаясь на детальном описании бездарного и бессистемного командования, скажу лишь, что домой я добрался в начале одиннадцатого. Быстро перекусив, поцеловав жену и дочку, я рванул к Эрику Иногородскому – начальнику службы пожарной охраны, который обещал добросить меня на своей древней «японке» до железнодорожной станции Тыгда. Тыгда находилась в 60 километрах от Магдагачей, и уже оттуда на «попутках» мне предстояло преодолеть ещё 90 километров до города Зеи.

Поскольку Эрик на бесконечных построениях был вместе со мной, а поездка в Тыгду планировалась к семи вечера, то мне потребовалось потратить ещё полчаса на уговоры его жены – Ирины. Мы вместе с ним клятвенно убеждали её, что на ночь глядя бесценный муж едет ни «к бабам», ни на очередную гарнизонную попойку, а лишь отвезти меня до Тыгды, и уже через час-полтора вернётся назад. Уговорили – выехали.

Всю дорогу до Тыгды я в красках описывал Эрику ожидающую меня удивительную охоту, а он поглядывал на меня блестящими выпуклыми глазами и внимательно слушал.

Однако на станции меня ожидал неприятный сюрприз. Поскольку мы опоздали к приезду проходящего поезда, то все маршрутки и такси, специализировавшиеся на доставке пассажиров от станции Тыгда до города Зеи, уже разъехались. Тут следует пояснить, что до Зеи нет железной дороги, и жители пользовались редкими рейсовыми автобусами и попутками-частниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.